

Татьяна Мажорина

г. Волгодонск

«Я обращаюсь с требованьем веры...»

*К 125-летию со дня рождения Марины
Цветаевой*

*К вам всем – что мне,
ни в чём не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.*

«Я обращаюсь с требованьем веры»... Несколько необычно и, быть может, претенциозно звучат слова, вышедшие из-под пера двадцатилетней Марины Цветаевой, уже тогда громко заявившей о себе. И следом – «И с просьбой о любви» – совсем другой оттенок, как будто обращаются к современникам два совершенно разных человека. В этом она вся: мятежная, противоречивая и удивительно талантливая! Похоже, юная поэтесса не очень-то верит в жизнь после смерти в её библейском понимании и тем не менее рассчитывает оставить яркий след на земле, иначе не имеет никакого смысла само её существование:

*Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с её засушным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!*

Марина, с одной стороны, уверена в силе своего слова, и в то же время её гложет страх оказаться в одиночестве не востребуемым, непризнанным поэтом. Обратите внимание, как мысли Цветаевой тесно переплетаются с блоковскими «Умрёшь – начнёшь опять сначала, и повторится всё, как встарь...». А к поэзии Александра Блока – «вседержателя её души» – у Марины особое, можно даже сказать трепетное отношение. Приведу отрывок из цикла стихотворений, посвящённых поэту № 1:

*Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.
И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь
И под медленным снегом стоя,
Опушусь на колени в снег,
И во имя твоё святое
Поцелую вечерний снег.*

Невероятно сильные строки! Насколько бережное отношение к поэзии Блока, безоговорочное преклонение перед его твор-

чеством... Классическая поэзия живёт по своим правилам, но, с точки зрения Марины, в ней чувствуется некий застой, то есть «сон и фимиам», а она горит желанием внести свежую струю, раскрыть читателю свой богатый внутренний мир. Всплеск эмоций, спонтанность, новизна её стихов ассоциируются с брызгами фонтана, искрами ракет, драгоценными винами. Следующие стихи служат ярким тому подтверждением:

*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берёт,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.*

И черёд действительно настал. Пусть не все в наше время увлекаются книгами, но в Интернете её стихи весьма популярны. Стихи такого уровня не читать невозможно. Непостижимая творческая мощь, «ослепительная расточительность», особый синтаксис и ритм, работающий порой по её собственным законам. Но... начнём по порядку. Родилась будущая поэтесса 26 сентября (8 октября по новому стилю) 1892 года в Москве на день Иоанна Богослова в Трёхпрудном переулке, дом № 8.

Отец – Иван Владимирович Цветаев – филолог, профессор Московского университета, великий труженик-просветитель, основатель первого в дореволюционной России Музея изящных искусств. Мать – Мария Александровна (урождённая Мейн) из обрусевшей польско-немецкой семьи – его верная помощница, женщина романтическая, одарённая. В семье, кроме Марины и младшей сестры Анастасии, были ещё дети от первого брака отца: старшие сестра Лера и брат Андрей.

В четыре года Муся (так называли её в семье) расхаживала по комнатам и твердила

какие-то рифмы. Мама гордилась ею и прочила малышке музыкальную карьеру, поскольку сама была прекрасной пианисткой. И музыка Марине удавалась, но стихи – это нечто другое, это её стихия, смысл всей её жизни. Страсть к слову, к буквам, его составляющим, к звукам была неотъемлемой частью существования обеих сестёр. Ещё до школы они могли изъясняться на трёх языках. Семья поначалу могла себе позволить держать гувернантку, репетиторов, приходящих учителей. До 1902 года они каждое лето проводили в Тарусе. Религиозного воспитания девочки не получали, усердного посещения церкви и не менее усердных молитв не было. Всё было в облегчённом варианте, как и во многих других профессорских семьях, то есть празднование Рождества, Пасхи, некоторое воздержание во время Великого поста. Зато нравственное воспитание, разграничение добра и зла, поклонение героическому началу (вплоть до смерти за идею) мамой внедрялось с особым энтузиазмом. Дерзновенный полёт Икара, гибель прикованного к скале Прометея, Бонапарт, Вильгельм Тель, Жанна д'Арк были неотъемлемой частью их детства. «Божественная комедия Данте» всегда занимала в душах сестёр особое место.

В 1902 году мама тяжело заболела, и семья была вынуждена уехать за границу. Марине на тот момент было 10 лет, Асе (Анастасии) – 8. Безоблачное счастливое детство осталось позади. Италия, Швейцария, Германия... Быстрая смена обстановки, новые знакомства, новые друзья, продолжение учёбы в интернатах, частных пансионах, острая нехватка общения с мамой (только по выходным). Если в Италии им понравилось, то в остальных местах было не столь радужно. Особенно невыносимой оказалась жизнь в Германии. Пансион Бринк – каменное серое, довольно неприветливое здание, выглядел настоящей темницей, в которой тошно было жить и тем более учиться. За каждую плохую отметку, за каждое замечание (каплю воды, оставленную на умывальнике, волос в расчёске, слабо натянутую простынь, мимолётный поворот головы к окну во время игры на пианино и т. п.)

без промедления сообщалось родителям. К тому же чувство постоянного голода: если перепадёт кусочек ветчины или жилистого мяса, то он невероятно тонкий – прямо светится, хлеб только серый.

Холодной осенью 1904 года мама девочек сильно простудилась. К вялотекущей чахотке добавилось двустороннее воспаление лёгких. Решено было перебираться в Россию, в Ялту. За год, проведённый в Крыму, совсем ещё юная Марина, сблизилась с революционерами (с уст не сходило имя лейтенанта Шмидта), писала героические, совсем ещё детские, но пламенные, проникновенные стихи, что очень огорчало маму. Состояние Марии Александровны всё ухудшалось. И крымские врачи на этот раз оказались бессильны. После четырёхлетних скитаний семья вернулась в Москву. На лето маму привезли в Тарусу. В июле 1906 года она умерла. Отец, переживший потерю второй жены, надолго попал в клинику. Марина ушла жить в интернат. Была осень 1906 года...

На дом, о свидании с которым мама и сёстры так мечтали все долгие годы странствий, пала огромная, пугающая пустота. Положение усугублялось ещё и тем, что в папином кабинете висел увеличенный до естественных размеров портрет мамы в гробу, что отравляло всякие воспоминания о прежней жизни. Конечно, это было его ошибкой и привело к обратному эффекту: девочки не могли сказать ему об этом, потому что боялись обидеть, и попросту перестали заходить в любимый ранее кабинет. На выходные будущая поэтесса приходила домой. Грусть стала постоянной спутницей жизни обеих сестёр.

С уроками Марина справлялась легко и торопилась поскорее заняться чтением любимых книг или написанием стихов, порой даже прогуливала гимназию и пряталась с книгами на чердаке. В шестнадцатилетнем возрасте – увлеклась переводом «Орлёнка» Э. Ростана и ничего другого на тот момент для неё не существовало. Со слов Анастасии Цветаевой: «Она выписывала из Парижа всё, что можно было достать по биографии Наполеона – тома, тома, тома. Стены

её комнаты были увешаны его портретами и гравюрами Римского короля, герцога Рейхштадтского. Любовь к ним Марины была раной, из которой сочилась кровь». Увлечение Наполеоном не утихало. Дошло до того, что в киоте иконы над её письменным столом был вставлен портрет великого француза.

В октябре 1910 года вышла её первая книга «Вечерний альбом». О ней заговорили. Поэтесса встречается с В. Я. Брюсовым, Эллисом, М. А. Волошиным, А. Н. Толстым. В Коктебеле у Макса Волошина Марина знакомится со своим будущим мужем Сергеем Эфроном. Сидя на пляже, она загадала, что выйдет замуж за того, кто первый преподнесёт ей любимый камень – сердолик. Поделилась мыслями с Максом, и чудо свершилось! К ней подошёл высокий, худой, довольно симпатичный молодой парень (москвич) с огромными глазами «цвета моря» и, привстав на одно колено, преподнёс ей заветный камень. Между ними сразу пробежала искра. Пылкий романтический рыцарь тут же завоевал её сердце. Венчание состоялось в Москве в январе 1912 года. В феврале вышла вторая книга Марины «Волшебный фонарь». А в сентябре у них родилась дочь, которую называли Алей, Ариадной, в честь любимой Цветаевской героини греческих мифов. На деньги, полученные в наследство, молодожёны купили дом. Прочитую отрывок одного из стихотворений, посвящённых мужу:

*Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.*

30 августа 1913 года в Москве умирает отец Марины. Для сестёр эта смерть означала не только потерю любимого, родного человека, но и наступление того невыносимого страшного дня, когда дом на Трёхпрудном окончательно перестал быть их домом. Она пишет замечательное стихотворение,

С Сергеем Эфроном

обращённое к своему читателю, в котором умоляет, просит его поторопиться прийти, последний раз «посмотреть наш дом», потому как понимает, что наследником его станет Андрей Цветаев, человек, который, по её мнению, никогда не любил и не понимал этот дом – «душу её души»:

*Ты, чьи сны ещё непробудны,
Чьи движенья ещё тихи,
В переулочке сходи Трёхпрудный,
Если любишь мои стихи.
О, как солнечно и как звёздно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!
Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь ещё не срублен
И не продан ещё наш дом.*

На следующий год выходит третий сборник стихов «Из двух книг». Расцвет её красоты, женственности, творческий взлёт! Красивая, успешная, любимая и любящая! Без ложной скромности Марина пишет одно из лучших посвящений Сергею: «Я с вызовом ношу его кольцо! – Да, в Вечности – жена, не на бумаге». Это июнь 1914 года. Мир на пороге Первой мировой войны, и следующие её слова звучат как пророчество:

*В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страха! –
Такие в – роковые времена –
Слагают стансы и – идут на плаху.*

Ранней весной 1915 года Сергей Эфрон вместе с санитарным поездом уезжает на фронт в качестве брата милосердия. Марина ведёт себя несколько отрешённо, вся поглощена в поэзию, вместе с Софьей Парнок весну и лето проводит в Малороссии и в Коктебеле у Макса, знакомится с Осипом Мандельштамом. 1916 год встречает в Петрограде. Знакомится с Михаилом Кузьминым, начинает активно сотрудничать с журналом «Северные записки».

Прошли те времена, когда можно было заниматься тем, чем хотелось. «Из истории не выскочишь», – так скажет она позднее. История сама диктует сюжеты, от которых никуда не деться, не убежать, не спрятаться. К Февральской революции она отнеслась пока ещё машинально, написав: «Пал без славы орёл двуглавый. Царь! Вы были неправы». В апреле 1917 года в семье родилась вторая дочь – Ирина. Для Цветаевой наступил сложный период. «В Москве безумно трудно жить», – писала она Волошину в августе, а в сентябре уехала в Крым. Муж, получивший назначение прапорщика запасного пехотного полка, остался в Москве. Марина Ивановна в самый разгар Октябрьских событий вернулась за Сергеем, и они вместе, оставив детей в столице, уехали к Максиму в Коктебель. «Когда через некоторое время Цветаева вернулась за детьми, обратного пути в Крым уже не было», – пишет Анна Саакянц – биограф Марины. Так началась долгая разлука с мужем, прерванная лишь на несколько дней в январе 1918 года, когда он тайно появился и уехал в Ростов, чтобы присоединиться к Добровольческой армии. «Белый офицер, он отныне превратился для Цветаевой в мечту, в прекрасного “белого лебедя”, героического и обречённого». Привожу стихотворение, которым она отозвалась на создавшуюся ситуацию:

*На кортике своём: Марина –
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.
Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.*

Марина стоически переносила разлуку и беспомощно – разруху и лишения, ездила в Тамбов за продуктами, устроилась регистратором в Наркомнац, но продержалась всего лишь полгода. Самое тяжёлое, голодное время – осень 1919 года, когда она вынуждена была временно отдать девочек в подмосковный приют. Тяжело заболевшую Алю забрала обратно, невероятными усилиями выходила, а младшую Ирину спасти не удалось. Голодно. Холодно. Невыносимо трудно, но... сколько записей она сделала в тетради. Никогда ещё Марина не писала так напряжённо, вдохновенно, разнообразно, взхлёб! Три сотни стихотворений, поэма «Царь-Девница», шесть романтических пьес... И это всего за три года!

*Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Но Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.*

Так начинается поэма «На красном коне», написанная в январе 1921 года. Цветаевская поэзия достигает наивысшего накала, обретает высокую трагедийность. «Героиня приносит к ногам Гения-повелителя – всадника на красном коне – свою жизнь, чтобы он умчал её ввысь, “в лазурь”, в иной мир – в небо поэта», – цитирую Анну Саакянц. Не могу не привести необыкновенно болевые, пронзительные строки, в которых всё-таки прослеживается надежда автора на прекращение братоубийственной Гражданской войны:

*Эх вы правая с левой две варезжки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в проказе – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.*

14 июля 1921 года – день, который подарил ей надежду, перевернул всю её дальнейшую жизнь. В этот день она впервые получила письмо от мужа, с которым дав-

но потеряна связь. Оказывается – он жив, находится в Константинополе и собирается перебраться в Чехию. Конечно же, Марина не раздумывая решила воссоединиться с мужем. Далее начнутся долгие годы эмиграции...

*По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями,
Конь без удержу, –
Полным парусом! –
В завтра путь держу.
В край без праотцов...*

Стихи продолжали теперь уже не просто литься, а рваться из души. В них одновременно чувствовались и радость предстоящей встречи («Знай, в груди моей часы / Как завёл – не ржавели») и неизбывная, глубокая скорбь по единственной своей родине («Ох, и красны ж у нас дымятся реки, / Малиновые полыньи»).

15 мая 1922 года Марина Ивановна с девятилетней Алей приехали в Берлин. На тот момент он был центром русского зарубежья, поскольку отношения между Россией и Германией были дружественными. Там жили М. Горький, А. Толстой, туда приезжали В. Ходасевич, С. Есенин и А. Белый, с которым они были особенно дружны. Наконец, в Берлине ей попала в руки книга лирических стихотворений Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь», которая пронзила её, будто током. Она все два с половиной месяца пребывания в столице Германии не выпускала её из рук и буквально разразилась восторженной рецензией-отзывом. Приведу отрывок:

«“Сестра моя Жизнь”! – Первое моё движение, стерпев её всю: от первого удара до последнего, руки настезь – так, чтоб все суставы хрустнули. Я попала под неё, как под ливень.

– Ливень: всё небо на голову, отвесом – ливень впрямь, ливень вкось, – сквозь, сквозняк, спор световых лучей и дождевых, – ты ни при чем: раз уж попал – расти!

– Световой ливень».

В Берлине произошла долгожданная встреча с Сергеем, который забрал жену с дочерью в Прагу по месту его обучения. Правительство Чехии выплачивало некоторым русским эмигрантам стипендию-пособие за счёт золотого запаса, вывезенного в Гражданскую войну из России. Конечно, жить в Праге, которую она безумно полюбила, оказалось не по карману, а потому три года с небольшим они снимали жильё в пригороде. Она сердцем прониклась ко всем «сырым и малым, прокопчённым трудягам» заводской окраины, слилась воедино с природой чешских деревень.

*Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рёва рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!..
Что в вашем веянье?
Но знаю – лечите
Прохладой Вечности...*

Марина прекрасно знала, что такое не-любовь, гнев, неприязнь, но самозабвенно и романтично писала о любви, причём это понятие было для неё бездонным. Приведу слова из воспоминаний дочери Ариадны Эфрон о том, какой она была: «Речь – сжата, реплики – формулы. Умела слушать; никогда не подавляла собеседника, но в споре была опасна: на диспутах, дискуссиях и обсуждениях, не выходя из пределов леденящей учтивости, молниеносным выпадом сражала оппонента».

В Чехии она завершила поэму «Молодец», начатую ещё в Москве, о могучей, всепобеждающей любви девушки Маруси к упырю в облике доброго молодца. Её можно назвать и сказкой, и притчей, и трагедией, и романом в стихах. Привлекает простонародная речь, виртуозно обработанная автором, употребление звукописи. Марина пишет стихи, пронизанные щемящей болью от нищеты и убогости жизни:

*Спаси Господи, дым!
– Дым-то, Бог с ним! А главное – сырость!
С тем же страхом, с каким*

*Переезжают с квартиры:
С той же лампой вплоть, –
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце, хоть
Для детей! – И каков-то хозяин?*

Весной 1923 года в её жизни появляется К. Родзевич – петербуржец, сын военврача, обучался на юридическом факультете в Пражском университете. После революции был одним из командиров Нижне-Днепровской красной флотилии. Марина пишет множество лирических стихотворений: «Психея», «Ремесло», «Что, Муза моя! Жива ещё?» и др. И всё-таки предпочтение отдаётся крупным формам – «Поэма Горы», «Поэма Конца», которые обращены к Родзевичу. Композиционное построение основано на единстве «достоверностей и романтики». Гора – это Петршин холм в Праге, но у Цветаевой это ещё синоним и символ любви, верх земли и низ неба:

*Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям!
...Горе началось с горы.
Та гора на мне – надгробием.*

В 1960 году все рукописи, письма, книги, рисунки Родзевич переслал в Москву. К его чести следует отнести следующие слова: «В Праге произошла моя встреча с Мариной Цветаевой, память о которой я бережно проношу сквозь всё возрастающую гущу времён... Поэтому я воздержусь от всяких комментариев. Можно ли заурядными словами передать то, что уже стало достоянием поэзии? (Ноябрь 1978 г.)». «Поэма Конца» тематически продолжает предыдущую и обращена к тому же человеку, проводится чёткая линия между землёй и небом, бытом и бытием. В итоге Марина приходит к выводу, что «Жизнь – это то место, где жить нельзя». Поэма написана потрясающе пронзительно:

*Как плющ! Как клец!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро-сать, как вещь
Меня, не единой вещи*

*Не чтившей в сём
Вещественном мире дутом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью – утро».*

Далее обстановка накаляется ещё сильнее; «Ска-жи, что бред, что нет и не будет мосту конца. Конец!» Предельная открытость, на грани душевного срыва:

*Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.
Жжёт... как будто бы душу сдёрнули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.
Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да её никогда и не было!
Было тело, хотело жить.
...Жить не хочет.*

Хочет или не хочет жить, но жизнь продолжается. Марина пишет трагедию «Тезей», позже переименованную в «Ариадну». Интересен факт того, что читатель невольно задумывается над финалом описываемого сюжета. Земную девушку Ариадну одновременно любят обычный смертный Тезей и божество Дионис (или Вакх), причём последний возносит её на небеса. Тезей сам, добровольно уступает возлюбленную божеству. Что это – предательство с его стороны или благородство?.. Вопрос остаётся открытым. Полагаю, уместно будет ещё раз привести воспоминания дочери о том, как она писала: «Отметя все дела, все неотложности, с раннего утра, на свежую голову, на пустой и поджарый живот. Налив себе кружечку кипящего чёрного кофе, ставила её на письменный стол, к которому каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку – с тем же чувством ответственности, неизбежности, невозможности иначе. Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась – острием мысли и пера. Работе умела подчинять любые обстоятельства, настаиваю: любые. Закрыв тетрадь, открывала дверь своей комнаты – всем заботам и тяготам дня».

1 февраля 1925 года у Цветаевой рождается долгожданный сын – Георгий. В семье его будут ласково называть Мур. Она обожала своего Мура, но крайне ненавидела быт. «Терпеливо и отчуждённо превозмогала его – всю жизнь», – опять же, со слов дочери. Спустя месяц после рождения сына Марина Ивановна садится за написание поэмы «Крысолов», интерпретируя на свой манер средневековую легенду о флейтисте из Гаммельна. У неё крысолов-флейтист (в данном случае – олицетворение Поэзии), а крысы – это отъевшиеся мещане, многие из которых были ранее храбрыми бунтарями; гаммельнцы – ожиревшие, жадные бюргеры, а все вместе они олицетворяют собой омерзительный, убивающий души быт. «Быт не держит слово Поэзии (бургомистр отказывается от обещания отдать свою дочь флейтисту. – А. Саакянц). Поэзия мстит» – таков замысел. И музыкант уводит к реке всех детей и топит их под свою дивную музыку, даруя им рай – вечное блаженство, где «нет ни детских болезней, ни детских боязней»:

*– Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
– Не думай, а следуй, не думай. А слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...
– Муттер, ужинать не зови!
Пу-зы-ри.*

Окончила поэму Цветаева уже после отъезда из Чехии, но успела написать две объёмные статьи: «Кедр» по книге своего друга С. Волконского и «Герой труда» на кончину В. Брюсова, показав себя основательным, вдумчивым прозаиком. 1 ноября 1925 года Марина Ивановна с детьми переезжает в Париж, временно останавливается у знакомых, снимая тесную комнатку в довольно непривлекательном районе. Во Франции ей суждено было прожить тринадцать с половиной лет. О себе удалось заявить довольно быстро и энергично. Не прошло и трёх месяцев, как в одном из парижских клубов прошёл триумфальный литературный вечер Марины, тем самым возбудив зависть и неприязнь некоторых литераторов в эмигрантских кругах, почув-

ствовавших в ней силу и независимость (к примеру, З. Гиппиус и Д. Мережковский). А тут ещё сама автор подлила масла в огонь – выпустила довольно остроумный сборничек «Поэт о критике».

Пастернак заочно знакомит её с Райнером Мария Рильке – поэтом, перед творчеством которого она издавна преклонялась. Между ними тремя ведётся активная переписка. Марина пишет и посвящает Пастернаку поэму «С моря», а «Попытка комнаты» – им обоим. Затем пишет поэму «Лестница», где наиболее остро конфликтуют быт и бытие, во весь голос звучит ненависть поэта к «голоду голодных» и «сытости сытых», восстанут вещи, сотворённые человеческими руками и требуют вернуть их в первозданное природное состояние (гвозди в металл, металл в руду, стол в дерево и т. д.). Нищета, убогость и зло уничтожаются в очистительном пожаре – «огненном вознесении» – один из любимых приёмов автора.

Прослеживается аналогия и в «Поэме Воздуха» – по сути, поэме о смерти, о выходе из земного состояния. А поводом к написанию этой поэмы послужил первый беспосадочный перелёт через Атлантический океан американского лётчика Чарльза Линдберга. «Понимаешь, что из тела – вон хочу? ... За потустороннюю границу: к Стиксу!» – писала она ранее в одном из стихотворений. Цветаева очень хорошо знала психологию человека изнутри, умела тонко чувствовать и переживать все события со своими литературными персонажами.

В 30-е годы характер Марины Ивановны менялся, всё сильнее гнули к земле заботы, не оставалось времени на чувства. Сергей Эфрон всё чаще задумывался о Советском Союзе, стал одним из активных членов «Союза возвращения на родину», поступил на службу в советскую разведку. Она же понимала, что «здесь я не нужна и там я невозможна» (из письма к Тесковой). Давно скрыт дом в переулке Трёхпрудном, да и той родины уже нет, тем не менее Цветаева мечтает, чтобы её дети обрели родину. Прочитав стихи, обращённые к её семилетнему сыну:

*Езжай, мой сын, домой – вперёд –
В свой край, в свой век, в свой час – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,
В наш-час – страну! в сей-час – страну!
В на-Марс – страну! в без-нас – страну!
...Наша совесть – не ваша совесть!
Полно! – Вольно! – О всём забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.*

По дневниковым записям мужа, охладевшего к белому движению, она написала поэму «Перекоп». С великой болью отозвалась на смерть горячо любимого ею поэта – В. Маяковского. Ею также написан замечательный цикл «Стихи к Пушкину»: «Бич жандармов, бог студентов, желчь мужей, услада жён» и ещё: «Пушкин – тога, Пушкин – схи́ма, Пушкин – мера, Пушкин – грань...». Далее Цветаева пишет очерк «Пушкин и Пугачёв» и «Повесть о Сонечке».

Осенью 1937 года Сергей Эфрон оказался замешан в каком-то политическом детективе, получившем широкую огласку, но так до конца и не распутанном, а потому был вынужден срочно и тайно перебраться из Парижа в Москву. Наступили дни тягостного одиночества и творческой немоты. Из этого состояния её вывели события 1938 года – нападение гитлеровской Германии на Чехию – страну, приютившую их семью на начальном этапе эмиграции. У Марины сложился цикл из одиннадцати стихотворений, посвящённых её любимой Чехии. Приведу небольшой отрывок:

*О слёзы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!
О чёрная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творицу вернуть билет.
Отказываюсь быть.
В Бедламе нелюдей –
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.*

12 июня 1939 года Мария Ивановна Цветаева вместе с сыном уехала в СССР. Дочь Аля вернулась в страну ранее... Семья вновь воссоединилась. Жили в подмосковном посёлке Болшево, правда, спокойствие их было недолгим. В августе арестовали Алю, а в октябре – Сергея. И снова скитания по чужим углам с маленьким Муром. Передачи в тюрьму... Целый год Марина Ивановна вызволяла багаж, прибывший из Франции, а его по непонятным причинам постоянно задерживали. Занималась переводами – с французского, немецкого, грузинского, болгарского, польского и других языков, перебивалась небольшими заработками от переводов. Подготовила небольшой сборничек стихов в Гослитиздате. Однако, К. Зеленский, расхваливавший её в глаза, бесцеремонно «зарезал» книгу, написав пространную и враждебную рецензию, которую ей даже не показали. Мало того, Цветаеву перестали печатать! А это хуже некуда.

Москва. 1940 год... Марина Ивановна пишет обращения к Сталину, Берии, в ЦК, просит, умоляет разобраться в «делах мужа и дочери, помочь в отчаянном положении», но безуспешно. В дневнике появляется запись: «Меня все считают мужественной. Я не знаю человека робче, чем я. Боюсь всего. Глаз, черноты, шага, а больше всего – себя, своей головы, если эта голова – так преданно мне служащая в тетради и так убивающая меня в жизни. Никто не видит, не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами – крюк...» Подумывая о суициде, она понимает, что:

*Смерть – это так:
Недостроенный дом,
Недовзращённый сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнувший крик.*

Но... в дневнике Цветаевой опять появляется запись: «Я год примеряю смерть. Всё уродливо и страшно. Проглотить – мерзость, прыгнуть – враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать

(посмертно), мне кажется, что я себя уже – посмертно – боюсь. Я не хочу умереть. Я хочу не быть. Вздор. Пока я нужна... но, Господи, как я мала, как я ничего не могу! Доживать – дожёвывать. Горькую полынь». И в то же время в феврале 1941 года как бы подводит черту под своей жизнью:

*Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...*

Какой резкий контраст: совершенно беззаботное, счастливое детство в обеспеченной, довольно образованной, любящей семье (до 10 лет!), о котором можно только мечтать, и невыносимо-тяжёлая жизнь дальше, особенно в последний её год. Круг общения сузился до минимума. Из состояния безысходности её на какое-то время вывело общение с А. Тарковским, который на тот момент переводил стихи туркменского поэта Кемине. Марина была в восторге от перевода, а познакомились они с Арсением на квартире переводчицы – Нины Герасимовны Бернер-Яковлевой. Они гуляли по Москве, по её любимым местам, говорили о литературе...

В поэзии Цветаевой всегда ярко выражены мотивы отчаянья, сопереживания всем униженным и обездоленным, в том числе и себе. Для меня лично Марина Цветаева – Поэт недостижимой высоты! В апреле 1941 года её приняли в профком литераторов при Гослитиздате. Война застала Цветаеву за переводами Федерико Гарсия Лорки. Само собой, теперь переводы её стали никому не нужны. 8 августа Цветаева вместе с сыном, присоединившись к группе литераторов, на корабле «Чувашская республика» отправились в эвакуацию в Елабугу и Чистополь. Сошли на берег в Елабуге. После долгих поисков нашли себе более чем скромное жильё – отгороженный занавеской угол в маленькой и бедной избе на Ворошиловской улице. Навис ужас остаться без работы. И она отправилась в Чистополь, в надежде получить хоть какую-то работу и оформить прописку. 26 августа поэтесса написала прошение в

Совет литфонда с просьбой принять её на работу в качестве судомойки в столовую, которая должна открыться к октябрю.

Лидия Чуковская в произведении «Предсмертие» описала свою встречу с Мариной, как раз в тот момент, когда она пришла узнать об участии своего прошения:

«На одной из дверей дощечка: “Парткабинет”. Оттуда – смутный гул голосов. Дверь закрыта. Прямо напротив, прижавшись к стене и не спуская с двери глаз, вся серая, – Марина Ивановна.

– Вы?! – так и кинулась она ко мне, схватила за руку, но сейчас же отдернула свою и снова вросла в прежнее место. – Не уходите! Побудьте со мной!»

Лидия Чуковская принесла для Марины Ивановны стул и сочувственно оглядела её. Осунувшаяся, подурневшая женщина ничем не напоминала Марину Цветаеву, стихи которой заставляли сходить с ума как мужчин, так и женщин. «Судьба вдоволь поиздевалась над ней, вынудив приползти как за милостыней к двери парткома и униженно просить предоставить ей хоть какую-то работу: «Сейчас решается моя судьба, – проговорила она. – Если меня откажут прописать в Чистополе, я умру. Я чувствую, что непременно откажут. Брошусь в Каму». Ей не отказали, но по большому счёту и не помогли: предложили поискать жильё в Чистополе по улице Бутлерова и пообещали сделать всё возможное, чтобы место судомойки (хотя заявлений и много) осталось за ней.

28 августа Цветаева вернулась в Елабугу с намерением перебраться в Чистополь. Как провела она следующие пару дней – малоизвестно. Но... 31 августа в воскресенье она свела счёты с жизнью. Вот что сообщает нам Анна Саакянц по этому поводу: «Вернувшиеся сын и хозяйка обнаружили

её висящей в сенах на крюке. И три записки – Асеевым в Чистополь – чтобы взяли к себе Мура («Я для него больше ничего не могу и только его гублю... У меня в сумке 150 р. И, если постараться распродать все мои вещи... А меня – простите – не вынесла»), людям, которых просила помочь ему уехать («Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадёт») – и сыну: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь, – что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».

Елена Поздина – старший научный сотрудник Литературного музея Марины Цветаевой, находящегося в Елабуге, тщательно исследовавшая жизнь и творчество великой поэтессы пишет: «Несмотря на то, что причины, которые подтолкнули поэтессу к роковому решению, так и остались до конца не выясненными, можно предположить, что это была совокупность непроходящей нищеты, душевного нездоровья, притеснений НКВД и сама Елабуга – бесцветная и безгранично жестокая провинция, куда Цветаеву привела жизнь». Через три года в Белоруссии погибнет и Георгий Эфрон, защищая нашу страну от немецко-фашистских захватчиков.

Похоронили Марину Ивановну Цветаеву в одной из бесчисленных могил Елабужского кладбища. Спустя годы, Союз писателей Татарстана установил ей большой гранитный памятник приблизительно в той стороне кладбища, где указали старожилы. Но и к символическому памятнику люди давно протоптали тропинку. А её творчество – болевое, искреннее, берущее за душу, полагаю, будет жить вечно.

Использованная литература:

Марина Цветаева «Стихотворения. Поэмы» (Москва, изд-во «Правда», 1991).

Марина Цветаева «Избранные стихотворения» (Москва, ЭКСМО, 2009).

Анастасия Цветаева «Воспоминания» (Москва, изд-во «Изографус», 2002)

Воспоминания дочери Эфрон Ариадны (Режим доступа: www.e-reading.club/book.php?book=95840).